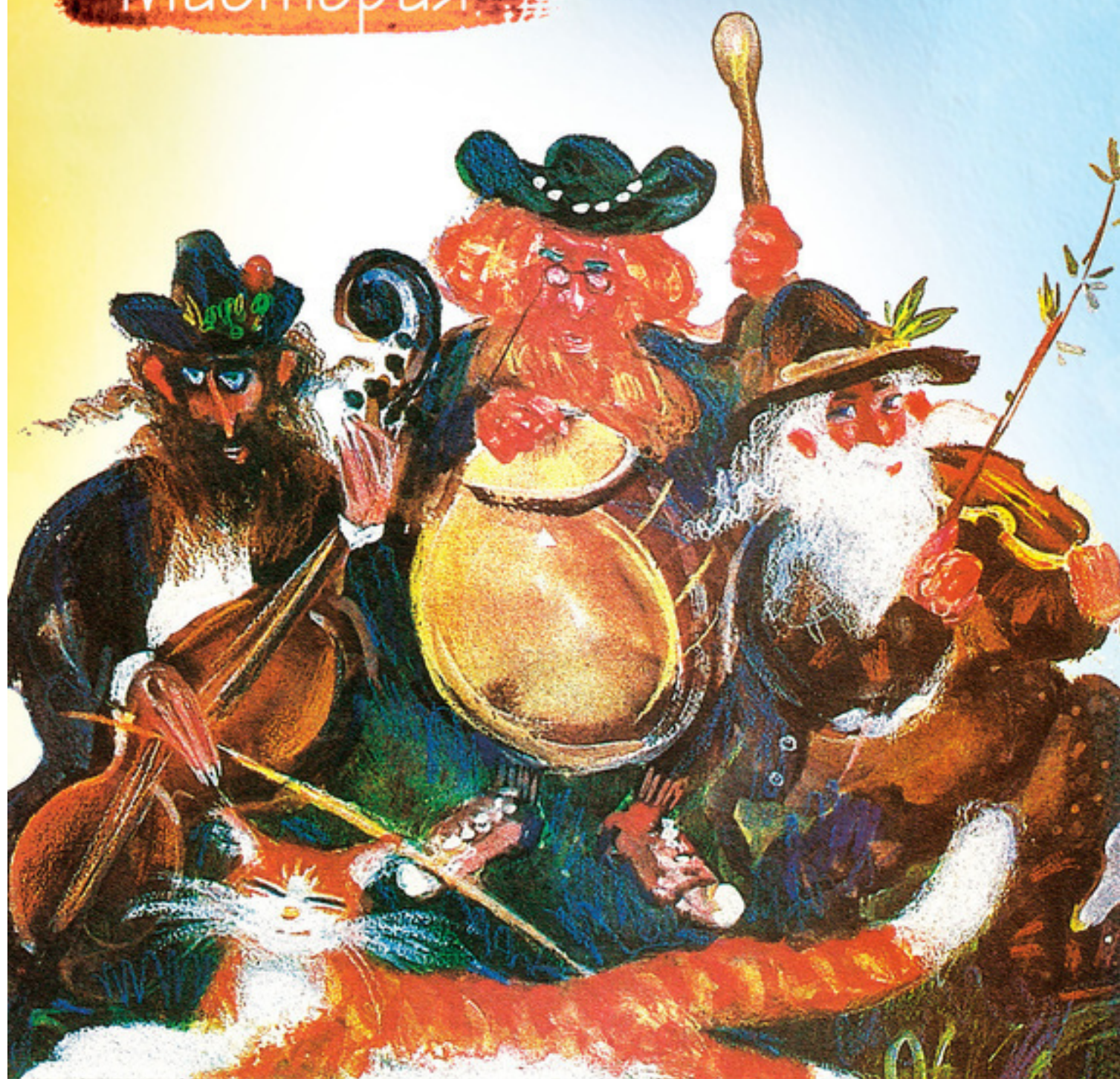

Ефим Гальперин

АНОМАЛИЯ

"Шполер Зейде"

Мистерия

Ефим Гальперин
Аномалия. «Шполер Зейде»

«Accent Graphics communications»

2014

Гальперин Е.

Аномалия. «Шполер Зейде» / Е. Гальперин — «Accent Graphics communications», 2014

Мистерия! Где? Маленькое село в Украине и Париж, Нью-Йорк, Южная Африка. Кто? Прекрасная украинская девушка и юный американский компьютерный гений. Её сельский Дед Грицько и его американский дедушка – миллиардер, чей бизнес бриллианты. А сам он хасид. И в друзьях у него президенты и премьеры, саудовские принцы, аристократы Европы и бизнесмены Африки. А, ещё в этой истории про Любовь участвует Государственная Служба безопасности Украины и украинская мафия! О! У Вас, кажется, возник вопрос – причем тут СБУ и мафия? Ну, неужели что-либо может происходить без участия таких организаций?! Важно, что всех их накроет Чудо. Почему? Потому, что Шполер Зейде. Кто это? Цадик Что это? Каббала

© Гальперин Е., 2014

© Accent Graphics
communications, 2014

Содержание

Предисловие	6
Пролог	7
Часть первая	10
Часть вторая	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Ефим Гальперин

Аномалия. «Шполер Зейде»

Anomaly ("Shpoler Zeide")
by Yefim Galperin
Mistery

Artist – Ilya Shenker
Design and Computer imposition – Aleksander Minz

All rights reserved by U.S. Copyright Office.
US PA 1-777-047

Художник – Илья Шенкер

Дизайн и компьютерная вёрстка – Александр Минц

Предисловие

«...Немедленно вылетаю! Но тебе, «шмок» и «шльмазл», я советую покончить с собой до моего приезда! Чтобы к множеству моих грехов не добавлять отрывание уже давно бесполезных частей твоего организма!».

Эти пять минут телефонного разговора между Парижем и украинской деревушкой, аккуратно записанного Службой Безопасности Украины и украинской мафией, изобиливали таким количеством специфических выражений на языке идиш, что для перевода пришлось искать в Киеве старых интеллигентных евреев. Про что это я, господа?

Да! Про любовь!

Обычно когда пользуются термином «Любовь», то подразумевают отношения двух людей. Противоположных полов. И не противоположных. Молодых и не очень. Юных и стариков.

Нет, конечно, в этой книге про это тоже есть. Но главное в ней – Вселенская любовь. Любовь как Благодать. Ко всему, что материалисты называют окружающим нас миром, а верующие Всевышним. В том числе и любовь родителей к детям, а детей к родителям. Сильных к слабым, добрых к одиноким. И вообще, ошибся Достоевский, переводя с Божественного! Не «красота спасёт мир», а Любовь!

– Ну, ладно! – скажет читатель, – Много вы видели этой любви в окружающем нас жестком мире.

Так ведь никто и не утверждает, что Любовь наблюдается повсеместно и ежечасно. Пока.

Но изредка... В определённые моменты и в отдельных местах...

И, конечно, как может называться в этом жутко прагматичном мире то пространство, в котором разлита Любовь?! Правильно!

«Аномалия» (и ещё, если кому-то это что-то говорит – «Шполер Зейде»).

Ориентируясь на клиповость мышления сегодняшнего читателя и восприятие им действительности в медийной форме, то есть как бы в виде телесериалов, стиль повествования выбран тоже киношный.

Будем надеяться, что читателю хватит фантазии представить всю эту «картину маслом» без принятых в традиционной литературе многословных описаний природы и нервических движений бровей героев.

Жанр выбран популярный вот уже добрых две тысячи лет – Мистерия.

Чтобы не нагружать читателя поиском в Википедии, – прямо оттуда:

«Мистéria» (от греческого *mysterion* – таинство, тайна) – один из жанров европейского средневекового театра.

Сюжет мистерии – всегда про Чудо! – обычно разворачивается в виде увлекательной весёлой истории из современной реальной жизни, но с обязательными ссылками на религиозные источники».

Итак, Мистерия. С двумя хорами, видениями и свадьбой.

Место действия – Франция, США, Африка. И самое главное – Украина!

Пролог

Южная Африка. Резиденция президента ЮАР. Вечер.

Тропический ливень. Дворец президента оцеплен местной службой безопасности. Бьют барабаны. Гортанные команды. Белый лимузин и эскорт мотоциклистов в ожидании выхода важного гостя. В наушниках сотрудников службы безопасности на разных языках – английском, африкаанс, зулу и т. д.:

– Всем! Всем! Встреча президента с высоким гостем завершена. Готовность «Би»!
Открываются ворота. На всём пути следования эскорта перекрываются перекрёстки.

Южная Африка. Аэропорт. Вечер.

Ливень. Сквозь сетку дождя: белый лимузин движется прямо к трапу самолёта. Справа и слева с оружием наперевес бегут чёрные полицейские в белых гетрах. Телохранитель держит зонтик над открывающейся дверцей. Почётный караул двухметровых гвардейцев исполняет команду «Смирно!»

Из машины появляется человек. Рост ниже среднего. Чёрная шляпа, лапсердак, борода. Хасид.¹ Реб Борух Финкельштейн – бриллиантовый магнат, миллиардер. Рядом с ним возникает большой чёрный президент страны. Хасид в сопровождении президента проходит вдоль строя почётного караула, который под проливным дождём совершает положенные по протоколу телодвижения. Рядом с почётным гостем его секретарь и переводчик Саймон Стерн.

Возле самолёта суетятся местные техники. У трапа под большим зонтом наблюдает за церемонией ирландец Мак О'Кинли. Одет с иголки. Белый человек.

В двери самолёта возникает ещё одна фигура хасида. Как положено – шляпа, лапсердак, борода. И безапелляционность. Это реб Гороховский.

– Этот дождь когда-нибудь у вас кончается? В прошлый раз, помню, тоже лило как из ведра.

Мак О'Кинли смотрит на Гороховского. Тот – на Мака О'Кинли. Оценивают друг друга. Опускается аппарель, и лимузин магната въезжает в самолёт.

Торжественная часть заканчивается. Почётный гость взбегает по трапу. Саймон Стерн радостно обнимает Мака О'Кинли. Проходят внутрь самолёта. Заводятся моторы.

Салон самолёта. Вечер.

Мак О'Кинли и Саймон Стерн идут между рядами. Расталкивая их, пробегает Гороховский. За ним торопливо, поглядывая на часы, проходит группа хасидов.

Шляпа, лапсердак, борода...

– Молодые люди, так можно не успеть к «Маариву»! – командует на языке идиш Гороховский.

¹ Приверженец одного из религиозных течений в иудаизме. Буквально – «учение благочестия» (*иврит, и идиш*),

Салон самолёта. Вечер.

Мак О'Кинли и Саймон Стерн идут между рядами. Расталкивая их, пробегает Гороховский. За ним торопливо, поглядывая на часы, проходит группа хасидов. Шляпа, лапсердак, борода...

– Молодые люди, так можно не успеть к «Маариву»! – командует на языке идиш Гороховский.

Ирландец вопросительно смотрит на друга.

– Извини, Мак, время вечерней молитвы, – объясняет другу Саймон и, поправляя на голове кипу (головной убор у евреев и кардиналов-католиков), уходит вслед за группой хасидов в салон.

Сквозь щель в портьерах Мак О'Кинли видит, как все почтительно располагаются вокруг босса – реб Боруха.

Магнат смотрит на часы и кивает головой кантору². Тот прокашливается и начинает. Звучит вступление к вечерней молитве – «Кадиш»³: «Да возвысится и освятится Имя Его! Амен!» Сначала соло, потом голосов становится больше. И вот уже звучит мощный хорал: «В мире, сотворенном по воле Его...»

Южная Африка. Аэропорт. Вечер.

Ливень. Самолёт разгоняется. Ревут моторы. Тумблеры, рычажки – пилоты за работой. Молятся, покачиваясь, хасиды. Бежит под крылом самолёта взлетная полоса.

Дождь. Мрак. Молитва. Самолёт пронизывает кромку тяжёлых облаков. И вырывается к солнцу.

Салон самолёта. Вечер.

Саймон после молитвы возвращается к Маку О'Кинли:

– Через пять минут, Мак, я представлю тебя боссу. И ты ему анализ рынка. Никаких предположений! Только факты. От выражения «мне кажется» он звереет.

– А эти шумные ребята, – Мак провожает взглядом хасидов, выходящих из салона, – тоже в бизнесе?

– Эти ребята в комплекте.

– Не понял...

– Дело в том, что мистер Финкельштейн всё время в пути, – поясняет Саймон. – А для молитвы должен быть всегда «миньян»,⁴ Комплект. Десять евреев. У нас в штабе их шесть. Остальные... Не евреи. И чтобы не утруждать себя каждый раз поиском на месте, боссу легче возить с собой всегда пяток лишних. Зато все как на подбор. Знатоки «Мишны и Гемары».⁵

– Понятно. Это такая слабость мистера Финкельштейна.

– Это не слабость, Мак. Это сила!

– Не помню, чтобы в Гарварде ты, Саймон, отличался такой правовестью.

² Кантор или хазан – «посланник общины». Мужчина, ведущий богослужение в синагоге.

³ Кадиш – еврейская молитва, прославляющая святость имени Всевышнего и Его могущества и выражающая стремление к конечному искуплению и спасению. Эту молитву читают только при наличии миньяна (десяти взрослых мужчин), (иврит и идиш).

⁴ Десять взрослых мужчин (иврит и идиш).

⁵ Свод законов и их толкований в иудаизме (иврит и идиш).

– С годами, Мак, человек становится мудрее.

Мак О'Кинли и Саймон проходят в салон. А там как раз мистер Финкельштейн заканчивает разговор с Гороховским.

Говорят они, конечно, на языке идиш:

– «Угерет»⁶, реб Гороховский. Вы берёте с собой в помощь этого своего приятеля. И если всё случается, как вы говорите... Миллион.

– А приятелю?! Реб Гутману?

– Хорошо. И ему двести тысяч.

– На немецком языке говорят? – шёпотом спрашивает Мак у Саймона на английском языке.

– На идиш.

– Да-а?! На этом языке ещё разговаривают?

– Почему не больше? – торгуется Гороховский.

– Если бы я платил по принципу «почему не больше», я бы не был Финкельштейном, а был бы Гороховским, – магнат даёт распоряжение Саймону. – Оформите командировку. Назовём так... «Этнографическая экспедиция», – опять поворачивается к Гороховскому. Смотрит на него. – Да-а-а. Сам себе удивляюсь! Поддаться на ваши «майсы»...⁷

Гороховский воздевает руки, собираясь начать очередную историю.

Финкельштейн машет рукой:

– Хватит! «Зайт гизунт»!⁸ – и отворачивается к Маку и Саймону.

Гороховский с важным видом покидает салон.

– Разрешите представить вам. Мистер Мак О'Кинли, – торжественно произносит Саймон (понятно, что уже на английском языке). – Тот самый. Да! Я выдернул его из Лондона прямо из-под носа у...

– Я давно хотел видеть вас в своей команде. – Финкельштейн жмёт руку Маку. – Давайте к делу!

– Итак, анализ состояния рынка бриллиантов на сегодня... – начинает Мак.

⁶ Договорились (*идиш*).

⁷ Буквально: «бабушкины сказки». Ироничное название для историй, притч, анекдотов (*идиш*).

⁸ Будьте здоровы! (*идиш*).

Часть первая Гости

Улицы села Песчаное. Утро.

Живописное современное украинское село под холмом. Сотня дворов. Около пятисот жителей. Электричество. Газ в баллонах. Птицеферма и коровник. Асфальтированный пятячок между сельсоветом, продуктовым магазином, столовой, школой и клубом. Белые хаты, утопающие в садах. Огороды. Пыльные улочки, сбегаящие к реке. И размеренная жизнь. Но...

Куры и собаки шарахаются в стороны из-под колёс. Это по улицам села несётся на мотоцикле начальник милиции, он же единственный в селе милиционер, по фамилии Нечипоренко. В коляске мотоцикла учительница английского языка в местной школе Татьяна Золотаренко. Мотоцикл подкатывает к маленькому зданию сельской гостиницы.

Сельская гостиница. Утро.

Милиционер и учительница бегут по коридорчику и влетают в комнату. Там под командой мэра села Борсюка двое молодых ребят хулиганистого вида – Жора и Федька – вытаскивают в коридор старые железные кровати. Торопятся. Заносят другие кровати – более современные.

Дед Грицько со своей женой Парасей вешают занавески на окна.

– Где вас черти носят!? С минуты на минуту... – кричит прибывшим Борсюк.

– А «шо»⁹ ты в розовом пиджаке? – удивляется милиционер Нечипоренко тому, как выглядит Жора.

– Так американцы же! – объясняет Жора свой розовый пиджак, жёлтые джинсы и белые кроссовки. – Они, Сашко, всегда ярко одеваются. И разговаривают громко так. Это... фамильярно.

– И вот увидите, привезут виски! – добавляет Федька. – Они ж без этого не живут. Вот с финнами пил. С немцами один раз. А с американцами...

– Главное, контакт! – говорит весело Жора. – Ты ему сразу весело: «Хаварью, фрэнд!»

В окно заглядывает мальчишка:

– Приехали!

Все срываются с места, толкаются в дверях. Выбегают из здания на крыльцо. Последним выходит, одёргивая яркий пиджачок, Жора. Ещё в дверях он поднимает руку для приветствия. И застывает.

Площадь у сельской гостиницы. Утро.

Приезжие, которые расплачиваются с водителем такси, как-то не похожи на американцев из кинофильмов. Чёрные костюмы, бороды, чёрные шляпы. Это уже известный нам худой реб Нафтале Гороховский и его помощник – толстый реб Бэрэлэ Гутман.

Толпа селян на площади молчит, оглядывает приезжих. Дряхлый дед долго собирается с силами и формулирует:

– Е-в-р-е-и!

⁹ Что (украинский язык).

– Так с Америки же? – доносится из толпы.

– Значит, американские е-в-р-е-и, – резюмирует дряхлый дед. – Вот завсегда так и одевались. Это когда ещё за царём Николаем. Годов сто назад...

Первым из ступора выходит милиционер Нечипоренко. Он берёт под локотки мэра и учительницу, спускает их с крыльца и подводит к гостям.

Толкает онемевшую учительницу Золотаренко в бок. И та оживает. На английском языке:

– Добро пожаловать, дорогие гости! Надеемся, что ваш визит будет удачным. Разрешите представить вам – мэр Анатолий Борсюк, шериф Нечипоренко...

– Добрый день! – представляется на английском языке Гороховский. – Нафталий Гороховский и Берл Гутман.

– Сердечно приветствуем! Разрешите документики! – говорит милиционер, а учительница переводит. Гости вручают паспорта. Милиционер крутит их. Передаёт для прочтения учительнице. – Извините, конечно, так сказать, а цель приезда?

– Этнография. Нас интересует старое еврейское кладбище, – говорит Гороховский и вручает милиционеру ещё и свою визитную карточку.

Учительница переводит и про кладбище. В толпе селян проносится: «О! Еврейское!» – и все с уважением смотрят на дряхлого деда.

– Да! Еврейское. Ведь здесь жили евреи, – Гороховский произносит это уже на ломаном русском языке.

В толпе селян опять вздох: «Говорит по-нашему!»

– Ага! Знаете язык? – настораживается милиционер и неохотно, но возвращает паспорта.

– Моя «мишпуха»...¹⁰ Мой род. И бабушка и дедушка... То есть простые слова я складываю. И ещё студенты у меня сейчас. Они из Украины. Доброго здоровьячка! – говорит он всем.

На крыльце застыл дед Грицько. Он изумлён. Причём почему-то больше, чем все остальные. Всё происходящее видится ему в несколько мистическом виде. Ореолы вокруг фигур хасидов, звучание голосов с эффектом эха.

А учительница как раз уже трижды представляет его гостям:

– Директор гостиницы Григорий Панченко. Заслуженный агроном. Сейчас на пенсии.

Но дед всё не приходит в себя. Его жена Парася шиплет его и шепчет в ухо:

– Очнись, старый!

Наконец-то дед Грицько спохватывается и жмёт руки гостям. Баба Парася тоже протягивает руку для пожатия. Но Гороховский шарахается от её руки, как от змеи.

– У нас, у хасидов такое правило: «Не своё не трогаем», – оправдывая свой жест, говорит он громко на русском языке.

По толпе селян снова прокатывается гул. А одна из женщин бьёт по затылку своего мужа:

– Во! Нормальные люди! Не своё не трогают!

Все понимающие смеются. Жора и Федька подхватывают чемоданы. Гороховский тихо на идиш Гутману:

– Бэрэлэ! Смотри за вещами. Эти двое мне не нравятся.

– Так вот же полицейский!

– Не морочь голову. Полицейский!? Гиб акик!¹¹ Ты же видишь, какая у него рожа! А пуным!¹² Ха! Это ещё тот ганэф.¹³

¹⁰ Семья, родня (*идши*).

¹¹ Посмотри! (*идши*).

¹² Лицо. Здесь в значении «рожа» (*идши*).

¹³ Бандит (*идши*).

Милиционер старательно вслушивается. Толкает в бок учительницу. Та пожимает плечами: «Не понимаю». Зато по лицу деда Грицька пробегает тень улыбки. Видно, что-то понял. И милиционер отмечает это.

А Гороховский извинительно улыбается и объясняет свой текст на русском языке:

– Вы понравились моему другу, мистер шериф. Он говорит: «Смотри, какой бравый мужчина. Казак!» А я ему говорю – «Конечно! Настоящий представитель закона!».

Сельская гостиница. Утро.

Гости и сопровождающие их лица проходят внутрь гостиницы. Жора и Федька затаскивают чемоданы, при этом проявляют излишнюю активность. Но хасиды косятся, и милиционер быстро выставляет «помощничков».

Дед Грицько с мэром проводят гостей по гостинице. И, конечно, показывают туалет и раковину во дворе. А мэр Борсюк ещё показывает, как пользоваться этим самым раковинником, начиная с процесса доставания воды из колодца и заливания в бачок этого самого раковинника.

Сельская гостиница. Комната. Утро.

Наконец гости остаются одни. Гороховский достаёт мобильный телефон. Набирает номер и говорит на идиш:

– Саймон. Да! Реб Гороховский. Слава богу, на месте. Гостиница? – Он уныло оглядывается. – «А зохн вэй»!¹⁴

Сельская гостиница. Коридор. Утро.

За дверью, конечно, подслушивают. Милиционер вопросительно смотрит на учительницу.

– Не понимаю. Похоже на немецкий, – шепчет та.

Милиционер, стараясь не скрипеть сапогами, отходит на цыпочках от двери. Все тихо во главе с мэром Борсюком идут к выходу.

Сельская гостиница. Крыльцо. Утро.

Милиционер строго смотрит на мэра Борсюка.

– Ну, приехали! Ну, евреи! – почему-то оправдывается мэр. – Ищут кладбище. Своё! Еврейское! Что тут такого?

– Ага? – как бы с угрозой произносит милиционер.

– Тут до революции, говорят, евреев много жило... – говорит учительница Золотаренко. – Память!

– Вот именно. Память! – подхватывает мэр Борсюк. – Так сказать, история.

– Ага! Что там, на визитке? – продолжает допрос милиционер.

– Компания «Ди Гус», – читает и переводит учительница.

– Добыча, оценка и сбыт алмазного сырья. Мистер Гороховский. Консультант по общим вопросам.

¹⁴ Кошмар (*идши*).

– Ага! Добыча, оценка и сбыт алмазного сырья... Консультант... – милиционер забирает визитку, осторожно кладёт её в карман. – Имеем вещественное доказательство.

Площадь у сельской гостиницы. Утро.

Мэр с учительницей спускаются с крыльца. Садятся в пропыленный старый «газик» и уезжают. Милиционер поворачивается к деду Грицьку:

– Я тебе, дед, не как племянник, а как начальник милиции приказываю! Глаз не спускать! С консультантов этих, бля!

Сельская гостиница. Комната. Утро.

Гороховский распахивает окно. Оглядывает село. Ласково светит солнышко. Птички поют. Произносит восторженно на идиш:

– «А махае»!¹⁵ Ты только послушай, Бэрэлэ, какая тишина!

Площадь у сельской гостиницы. Утро.

...И в эту же минуту тишину взрывает рёв мотора. Большой трактор, дымя и кашляя, пересекает площадь перед гостиницей. Так бы он и проехал, но навстречу из переулка выкатывается самосвал. Его водитель и не думает уступать дорогу трактору. Сначала режут моторы. Потом оба водителя выскакивают из машин и начинают напирать друг на друга.

К ним подбегает милиционер Нечипоренко и начинает наводить порядок. Машины разъезжаются. Милиционер оглядывается на смотрящих в окно хасидов и делает успокаивающий жест.

Но тишина взрывается теперь уже у магазина. В очереди вспыхивает потасовка. Милиционер на мотоцикле и несётся к магазину.

Хасиды в окне с интересом наблюдают за происходящим.

Тем более что ещё в одном дворе начинается перепалка между соседками. А из хаты которая напротив выскакивает мужчина. И следом в него летит таз, брошенный умелой рукой его жены. Грохот, крик.

Во дворе, где ругаются соседки, появляется вездесущий доблестный милиционер.

Сельская гостиница. Комната. Утро.

Гороховский и Гутман, поглядывая в окно и прислушиваясь к крикам, кушают «гефилте фиш»¹⁶ из открытой банки, хрустят мацой. Гутман вздыхает.

– Ну, только не надо, Бэрэлэ! – отвечает ему на это и, конечно, на языке «идиш» Гороховский. – Или я не хочу хорошего бульончика «ми ды фарфалах».¹⁷ Потерпи! Пара дней...

Стук в двери.

– Можно! – Гороховский переходит на ломаный русский. Вваливается Жора с бутылкой в руке:

– Здравствуйте! Я по-соседски. Сам я в разводе. Хату оставил жене. Вот живу временно здесь же в гостинице. Как раз за стеночкой.

¹⁵ Восторг, удовольствие. Благодать! (*идиш*).

¹⁶ Фаршированная рыба (*идиш*).

¹⁷ С вермишелью в виде бантиков (*идиш*).

Гороховский и Гутман оторопело переглядываются. Гутман незаметно ногой закрывает открытый чемодан, задвигает его под кровать.

В дверях возникает милиционер. Отодвигает Жору. В комнату входит целая делегация в сопровождении деда Грицька. Это механизатор Пётр Онищенко и его помощник Микола. С ними дряхлый дед.

– Старейший житель района. Панас Онищенко. Сто четыре года. Помнит царя! – представляет его милиционер. – Думаю, поможет с вашим еврейским вопросом. А это его внук. Тоже Онищенко. Пётр. Механизатор.

– Ото Николай Второй... – начинает дряхлый дед.

– Значит, я Пётр Онищенко, – механизатор перебивает дряхлого деда. – А это Микола – мой помощник. Дед у нас того... Но иногда кое-что вспоминает. А что же это вы всухомятку? Два шага до столовой. Там борщ такой наваристый. С салом! Можно и до нас. Жена картошечки нажарит...

– Не «ко-ше-р»... – произносит дряхлый дед.

– Чего? – переспрашивает милиционер.

– Нечистый продукт, – формулирует дряхлый дед.

– В смысле радиации?

– Не. В религиозном смысле, – уточняет дед Грицько. – «Кошер».¹⁸ Не «кошер».

Милиционер оглядывается на деда Грицька. Смотрит. Соображает.

Площадь у сельской гостиницы. Утро.

Целая экспедиция отъезжает на трёх мотоциклах от крыльца. За рулем первого механизатор Онищенко. В коляске дряхлый дед. За рулем второго мотоцикла милиционер Нечипоренко. На заднем седле реб Гороховский. В коляске реб Гутман. На третьем мотоцикле помощник механизатора Микола.

Дед Грицько подметает метлой крыльцо, смотрит кавалькаде вслед. Снова с ним что-то не в порядке. Ореолы вокруг фигур хасидов, гулкий звук голосов. Мистика и всё та же многозначительность в рамках нашего представления о квантах, биополях и временно-пространственных аберрациях.

Берег реки на окраине села. Утро.

Дряхлого деда выводят на пригорок. Он всплескивает руками: «Не то!»

Роща за селом. День.

Наша группа исследователей рыскает вслед за дедом между деревьями. Дед явно путается. Бьёт себя по лбу. Машет руками. Снова все рассаживаются по мотоциклам.

Окраина села. День.

«Экспедиция» останавливается. Расспрашивают жителей. У одной хаты женщина пожимает плечами. Возле другой хаты у забора в окружении кучи набежавших детей наш дряхлый дед спорит с другим менее дряхлым стариком. Хасиды и милиционер наблюдают.

¹⁸ Пицца, соответствующая канонам иудаизма.

Холм над рекой. День.

Все вместе выталкивают заглохший мотоцикл на горку. В коляске дряхлый дед вещает, поднимая указательный палец. Стоя на холмике, уверенно топает ногой. Копают. Выкапывают что-то большое завернутое в промасленные тряпки. Разворачивают. Это пулемет системы «максим». И пяток винтовок. Всё – времён гражданской войны.

Дорога за селом. День.

Пылят мотоциклы. Дед, указуяще вытянув руку, кричит что-то сквозь пыль и шум. Рядом с ним в коляске найденные пулемет и винтовки.

Овраг. День.

Выкапывают из стенки оврага церковную утварь и сундучок с пачками ассигнаций начала двадцатого века – «екатеринки», «керенки», и т. д.

Остатки хутора. День.

На холме стоят наши исследователи. Шериф, хасиды. Все вспотевшие, пропыленные. Уставшие.

– Ты, дед, собери мозги в кучу. Полдня мотаемся, – механизатор Онищенко говорит дряхлому деду – Понятно, ты тут с батькою Махно гулял. Там с кайзером Вильгельмом. Потом с товарищем Хрущёвым кукурузу сажал... А им просто кладбище нужно. Еврейское!

Гороховский разворачивает карту и с компасом пытается её сориентировать по сторонам света:

– Так! И где же тут у них север?

Подходит милиционер. С удивлением разглядывает карту:

– Серьёзная карта. И где же это вы её взяли?

– Пентагон.

– Где?!

– Центральное разведывательное управление, – невозмутимо поясняет на русском языке Гороховский. – Съёмка со спутника, – и тут же кричит на идиш Гутману, устроившемуся в кустах пописать: – Бэрэлэ, хватит уже! Ты, как собака, метишь всю территорию. Так она не твоя! Иди сюда.

Милиционер старательно вслушивается в незнакомую речь, снимает фуражку, вытирает пот:

– Простите, это вы на немецком языке говорите?

– Я!? На немецком!? – возмущается Гороховский. – Это идиш! Великий язык! Здесь раньше все его знали. В каждом селе, в каждом местечке.

Улицы села. Вечер.

На площади опять, но уже в обратном направлении, в дыму и рёве моторов пытаются разъехаться трактор и самосвал. Опять ссора у магазина. Во дворе у хаты баба тузит своего мужа. Снова гремит летящий таз. Орёт радио на столбе. Много шума!

Сельская гостиница. Комната. Вечер.

Звенит мобильный телефон. Гороховский и Бэрэлэ роются в карманах, в чемоданах. Находят. Гороховский прижимает трубку мобильного телефона к уху, но ничего не слышит. Прикрывает окно и кричит на идиш:

– Результаты?! В первый день?! Вы знаете, Саймон, когда нужна спешка? Скажите реб Финкельштейну, если Гороховский берётся, то делает! – Он выключает телефон, поворачивается к Гутману. – Сам «балабос»¹⁹ передаёт нам привет! Ноги гудят! Всё село исходить. Чтоб она горела эта власть советов! Чтобы вот так! Чтобы уже никто ничего не помнил!

Танцплощадка у клуба. Вечер.

На скамейке большой «бумбокс»²⁰ орёт очередную «попсовую» чушь. Одного взгляда На скамейке большой бумбокс орёт очередную попсовую чушь. Одного взгляда достаточно, чтобы понять – в селе избыток девушек при явном недостатке половозрелых юношей.

Девчата сидят на лавочках, скучают. Или танцуют парами. Дочка механизатора Элеонора в привилегированном положении. За ней буквально хвостиком и безуспешно слоняется помощник механизатора – славный парень Микола.

В условиях дефицита уже знакомые нам местные хулиганы Жора и Федька ощущают себя крутыми «мачо». Похаживают в подпитии. Снисходительно приглашают на танец то одну, то другую девицу.

Вдруг Жора толкает Федьку в бок, и они, дурашливо встав по команде «смирно», машут рукой.

Дом милиционера Нечипоренко. Вечер.

Оказывается, это они издали приветствуют милиционера.

Дело в том, что его дом на взгорке и всё село перед ним как на ладони. А если учесть наличие мощного бинокля с устройством ночного видения, прихваченного милиционером во время его службы в армии в Чечне, то можно понять, как контролируется им жизнь односельчан.

– Ага! – констатирует милиционер, что наблюдение замечено.

Из-за его спины выглядывает жена Галя:

– Как там наша «доня»?²¹

Милиционер переводит бинокль.

Танцплощадка у клуба. Вечер. Эффект бинокля.

На лавочке в окружении подружек сидит их невесёлая дочка Рая. Скучно ей. Вокруг одни подростки.

¹⁹ Хозяин (*идиш*).

²⁰ Переносной аудиоцентр.

²¹ Дочь, ласковое обращение (*украинский язык*).

Дом милиционера Нечипоренко. Вечер

– Скучает. Да-а, – бормочет он. – Наехал бы, какой-никакой, женишок. Так нет же! Приезжают... – с этими словами он переводит бинокль на сельскую гостиницу. И вовремя!

Окно сельской гостиницы. Вечер. Эффект бинокля.

В комнату хасидов входит дед Грицько.

Сельская гостиница. Комната. Вечер.

Дед Грицько ставит на стол перед гостями корзину с помидорами, огурцами, связками молодого лука и чеснока, высыпает яблоки и груши:

– Извините, что потревожил. Ну, во-первых, чтоб вы не всухомятку... Это прямо с моего огорода. И потом... Завтра утречком, часиков в десять, давайте сходим в одно место.

– Вы знаете, где еврейское кладбище?! – восклицает Гороховский на ломаном русском языке.

– Ну, как бы. Это... Их вообще три было. Вам которое?

– Где могила «Цадика»²² Шполяр Зейде!

– Так я и думал. Завтра.

– Вы уверены, что найдём?

– Имеется соображение.

Гороховский расплывается в улыбке. Потирает руки:

– О! Я ещё утром заметил, что вы порядочный человек! Не то что эти махновцы. – Обращается к Гутману на идиш: – Бэрэлэ! Быстрее! Человек имеет соображение!

Гутман достает бутылку виски. Дед Грицько пытается отказаться. Но уже налито. И стоя, они выпивают.

Дом милиционера Нечипоренко. Вечер.

Милиционер фиксирует этот несанкционированный контакт, да ещё и с принятием спиртного, своим мощным биноклем:

– Ага!

Окно сельской гостиницы. Вечер. Эффект бинокля

Как не пытаются гости уговорить деда Грицька на вторую стопку, тот всё-таки отбивается и уходит.

Сельская гостиница. Крыльцо. Вечер.

Фонарь на столбе над площадью. Лай собак. Дед Грицько стоит задумчиво на крыльце. Вздыхает. Поднимает глаза. Бархат ночного украинского неба.

²² Праведник, святой человек, мудрец, духовный наставник (*идиш и иврит*).

Сельская гостиница. Комната. Утро. Видение!

Прямо в упор смотрит милиционер. Он почему-то в трусах и майке, но в сапогах и с португеей. Спрашивает участливо:

– Ну, как? О'кей?

Сельская гостиница. Комната. Ночь.

Гороховский, лёжа на жёсткой железной кровати, стонет, мотает головой. Гутман будит его. Гороховский просыпается. Соображает, что милиционер являлся ему во сне.

– «Вус»? – ²³ участливо спрашивает Гутман.

Гороховский приходит в себя, оглядывает комнату, прислушивается к шуму в селе, пьяному пению соседа по гостинице Жоры во дворе, говорит с досадой:

– «Дус»!²⁴ Птички, тишина и покой. Съездим, подышим свежим воздухом... Гэволт!²⁵

Нью-Йорк. Холл гостиницы. Вечер.

Негромкая музыка, приглушённый свет. Роскошь. За столиками чинно парами сидят юноши и девушки. Попадают и постарше. Одеты строго ортодоксально. Пьют кофе. Тихо разговаривают.

Это мало кому знакомая процедура называется «Шидух».²⁶

Так сказать, «Клуб знакомств» в соответствии с законами иудаизма.

За одним из столиков разговаривают красивая девушка и высокий стройный юноша. Хасид. Это Исаак, внук миллиардера Финкельштейна.

Беседа завершается. Явно без каких-либо перспектив на общее будущее.

Пара идёт к выходу. Проходят мимо командного вида дамы – «шадхен»²⁷ – менеджера по сватовству. Та провожает их взглядом. Откладывает в сторону анкету девушки.

Нью-Йорк. Улица возле гостиницы. Вечер.

Водитель чёрного лимузина распахивает дверцу. Девушка с нескрываемым сожалением прощается, усаживается в машину и уезжает.

Исаак облегчённо вздыхает.

Река в селе. Утро.

Туман стелется над рекой. На берегу раздеваются наши хасиды. Голые, они входят в воду. За ними с берега, маскируясь в кустах, в бинокль наблюдает милиционер Нечипоренко. Рядом с ним дед Грицько.

– Этот как его. Реб Гороховский... – бормочет милиционер.

²³ Что? (*иди*).

²⁴ То! (*иди*).

²⁵ Ужас! Караул! (*иди*).

²⁶ Сватовство (*иврит и идиш*) – традиционный еврейский метод знакомства, основой которого является построение семейных отношений при помощи посредников, называемых «шадхен».

²⁷ Сват (*иврит и идиш*).

- Серьёзный мужчина.
- С результатом. Девять детей. Фотографию показывал, – подтверждает дед Грицько. Хасиды говорят молитву на омовение и окунаются с головой.
- Ага? – удивляется милиционер.
- Обычай! – поясняет дед Грицько.
- Обычай... Ну, как тебе, дед, американский виски?
- Какой виски?
- Ты мне, дед Грицько, мозги не засерай. Вчера! Так что проясни. Приехали! В шляпах! Евреи! И по селу шалаются. Что ищут?
- Да, Сашко! Как для участкового милиционера ты соображаешь круто. Здесь двести лет назад жил цадик.
- Кто?
- Цадик.
- «Садик» – это что такое?
- Праведник ихний. Вот они и ищут его могилу.
- Ага! Тут мы со своими святыми не разберёмся, а ещё эти...
- Шполяр Зейде. Очень среди евреев известный человек.
- Я такой фамилии не слышал. И где же эта могила?
- А где птицеферма! От когда после войны фундамент клали, «бісов»²⁸ Коваленко команду давал использовать могильные плиты... Я-то пацан был. Но дед мой знал, какие главные могилы. Так что прикопали немного, чтобы никто не цеплялся. Сегодня вот веду наших евреев... Показывать!
- Ага! А ты, дед Грицько, как для бывшего заслуженного агронома тоже не того... Не соображаешь! Значит, по-твоему, ребята эти за тысячи километров прилетели, чтобы в курином помёте возиться. Ой, чую я...
- Ты, Сашко, с Чечни ещё поведенный... Нормальное же дело. Приехали! Евреи! Ищут. Своё. Еврейское.
- Ага! Приехали. Евреи! Своё! Еврейское! Вопрос! Для чего? Цадик-садик! Вот тут всё! – Он водит перед носом у деда визиткой Гороховского. – «Добыча, оценка и сбыт алмазного сырья». – Переходит на официальный тон: – Повторяю, дед, для тупых. Тебе... Директору гостиницы, в которой поселились иностранцы. Открой уши!
- Так ты сам говоришь – иностранцы. Между собой они на этом...
- Правильно! На идише.
- Вот! Откуда мне? Уши... – пожимает плечами дед Грицько.
- Ой, не надо! Я ж ещё вчера, когда они залопотали, подумал: «Знакомая музыка?» Вот когда ты, дед, крепко выпьешь, что кричишь? Вот это... «Дрек мит фефер!»²⁹ Мишуга!»³⁰ А? Сам говорил, что в детстве соседи у тебя были евреи. Идиш – это твой профиль, дед! И не вилай! Ты, вообще, географическую карту района у них видел? Из Пентагона!
- Ну, ты, Сашко, тоже. Сериалов телевизионных насмотрелся. Шпионы, алмазы. Память, племяш, такое дело...
- Перестань! Память не сало. Бутерброда «не зробиш».³¹ А алмазики, дед, это камушки такие. Маленькие. Но стоят... О-го-го. Так что лови, дед, что говорят!
- Хасиды одеваются и идут от реки вверх. Приближаются к месту, где сидят наблюдатели.
- Всё. Меняем дислокацию, – шепчет милиционер Нечипоренко.

²⁸ Чёртов (украинский язык).

²⁹ Дерьмо с перцем (идиш).

³⁰ Псих, сумасшедший (идиш).

³¹ Не сделаешь (украинский язык).

Двор Мотри и Остапа. Утро.

Дед и милиционер пробираются огородами. Проползают мимо двора Остапа Битного Шляхты. Тот сидит в уголке за хатой и, всполошено оглядываясь, курит. Женский грозный крик:

– Остап!

В дверях хаты появляется жена Мотря. Руки грозно упёрты в бока. Мужик вздрагивает, вытягивает голову в плечи.

– Ты где, сукин сын, опять подевался?

– Та курю я, Мотря...

– Курит он! А скотина некормленная! А дверь скрипит! А ну! Остап разводит руками и виновато бежит в хату.

Улицы села. Утро.

Хасиды идут от реки по улочке. В переулке натываются на свинью. Пытаются разминуться. С трудом это им удаётся.

Выходят на площадь. У дверей магазина очередь, шум. Все озабоченные, сердитые. Крики. Хлопают калитки возле хат. Ссорой накрыто всё село.

Из магазина вырываются с бутылкой вина Жора и Федька.

Устраиваются под магазином, выпивают. Давка у магазина продолжается.

Площадка для выгула кур возле птицефермы. Утро.

Людской гвалт плавно переходит в птичий. Всё вокруг белым-бело. На площадке копошатся тысячи кур. Экологически чистый метод выращивания органически чистого продукта.

Дед Грицько осторожно, стараясь не наступить на птиц, ведёт за собой Гороховского и Гутмана.

Дом милиционера. Утро.

Милиционер в свой мощный бинокль видит...

Площадка для выгула кур возле птицефермы. Утро. Эффект бинокля.

...как хасиды с дедом Грицько осторожно продвигаются среди кур и гусей. Останавливаются. Дед Грицько приседает и лопаткой аккуратно разгребаёт грунт. Открывается угол старого гранитного камня с надписью на иврите.

Гороховский с трепетом рукавом протирает надпись, читает. Потом поднимает голову к небу и говорит благословение. Гутман продельывает то же самое. Замирают.

С взгорка открываются удивительные украинские просторы – речка, холмы, белые домики, сады и поля.

Гороховский опять говорит благословение на чудеса, сотворённые Богом. Гутман продельывает то же самое.

Они что-то начинают напевать с закрытыми глазами, покачиваясь, как зачарованные.

Дед Грицько наблюдает за хасидами.

Гороховский, раскачиваясь и чуть ли не напевая, говорит на идиш:

– Ой, я не могу! А! Святое место. Кыш! – кричит он на курицу, клюющую его туюфель. – Ну, Бэрэлэ, ты что-нибудь чувствуешь? Чтоб вот так сразу. Господи! Всё! Слава Всевышнему! И Шполяр Зейде! «Йехи зихро барух»!³² – Мы таки имеем! Ах! Какие тут творились чудеса, Бэрэлэ! Две сотни лет подряд! Самые закоренелые холостяки, самые строгие дамы. Даже из Парижа. К ним возвращался вкус жизни. Шполяр Зейде! Он с неба души доставал!

Гороховский поднимает глаза вверх. Воздевает руки. Пауза. Гутман тоже прислушивается к себе. В это время на плечо ему взлетает петух и кукарекает. Гутман шарахается.

В дверях птичника появляется женская фигура. Хватается за голову, кричит. Исчезает. Дед Грицько реагирует:

– Уходить надо! Нарушаем санитарные условия.

– Вот это называется «санитарные условия»... – возмущённо показывая на куриный помёт вокруг, говорит Гороховский. Но всё-таки они выбираются за изгородь птичника. Останавливаются.

– Послушайте, мистер Григорий, а бывает, что курей не выпускают гулять? – спрашивает на ломаном русском языке деда Грицька Гороховский.

– Это если ураган или не дай Бог, болезнь. И ночью! Куры спят.

– Так. «Бикицер»!³³ – Гороховский переходит на деловой тон и, конечно, на идиш: – Место мы уже имеем. Мальчика мы тоже имеем. – Он достает фото юного Финкельштейна из кармана. Смотрит сам. Показывает Гутману и попутно деду Грицько. – А, красавец! Дед миллиардер! Все бриллианты в мире его! И вот этот дед ему про «жениться». Такие невесты! А он нет! А что, может, он и не дурак? Короче! Мы поднимаем камень. Приезжает мальчик. Молится. Душа просыпается. Глаза у него, слава Всевышнему, открываются. Он кричит... – В избытке чувств Гороховский хватается за лацканы старенького пиджака и трясет его: – «Достопочтимый реб Гороховский. Я хочу жениться!» И всё! И реб Финкельштейн... «А балабос»! Он сразу внуку список самых богатых невест мира. А нам с тобой по чеку. «А парнусэ!»³⁴ – он набрасывается на Гутмана. – Бэрэлэ! Опустит брови! С твоим выражением лица только на похороны. А тут, я чувствую, пахнет свадьбой!

Гороховский переводит взгляд на оторопевшего деда Грицька, которого он ещё продолжает держать за лацканы пиджака. Говорит ему на ломаном русском языке:

– Вы, конечно, понимаете...

– Нет! Я не понимаю! – испуганно кричит дед Грицько. – Я ничего не понимаю!

– Нет! Понимаете!

– Нет! Нет! Не понимаю!

– А я уверен, понимаете... – он показывает на лопату и рукавицы в руках деда, – ...что нам сегодня вечером нужны будут вот эти вещи.

– А! – вздыхает с облегчением дед Грицько.

– И если можно этот... Железо... Палка...

– Лом?

– О! Лом! И очень прошу об одолжении! – шепчет Гороховский. – Чтобы это был секрет между нами. И ваши начальники и мистер полицейский... Ни-ни! Мы в долгу не останемся.

Дом милиционера. Утро.

Милиционер в свой мощный бинокль видит всё.

³² Да будет благословенна его память! (*иврит*).

³³ Быстро! (*идиш*).

³⁴ Большой заработок (*идиш*).

Площадка для выгула кур возле птицефермы. Утро.

Гороховский взглядом полководца окидывает площадку возле птицефермы. Поднимает палец вверх и опять на идиш:

– А-а-а! Чтобы были здоровы наши дети! – Он добрый. Поэтому поворачивается к деду Грицьку и на русском языке желает ему того же: – И ваши дети тоже чтобы были здоровы! Имеете детей?

– Внучка! Маргарита. Рита.

– Ну и пусть она будет вам здорова! И счастлива! – снова на идиш Гутману: – Ты мне, Бэрэлэ, говоришь... Сегодня же! Ночью! Только уже пусть эти куры будут спать!

Хасиды идут с холма вниз в село. Дед Грицько, озадаченный услышанным, смотрит им вслед.

Площадь у сельской гостиницы. День.

Дед Грицько подкатывает к гостинице на своей телеге. С ним его жена баба Парася. Он привязывает лошадь у крыльца. Торопливо стаскивает ящик с помидорами и заносит его в гостиницу. За ним его жена Парася несёт лом и метлу.

Сельская гостиница. Комната. День.

Они заходят в комнату, где остановились хасиды.

– Вот, дорогие гости! – воодушевлённо говорит дед Грицько. – Помидоры с моего огорода! Лучше нигде не найдёте. А вот это – новая метелка. Вам сподручнее будет. А это – фо-о-онарь. Пригодится. – Он с обожанием выдыхает: – Реб Гороховский! Реб Гутман! Уважаю!

Выбегает. За ним жена баба Парася.

Площадь у сельской гостиницы. День.

Дед Грицько сбегает с крыльца. За ним бабка Парася. Они пересекают улицу и забегают в помещение почты.

Почта. День.

Дед Грицько кричит с порога начальнице почты, она же единственный почтовый работник:

– А ну-ка! По срочному тарифу Киев! Прямо директору училища. Пусть позовут Ритку к телефону.

Пока идет соединение, он нервно бегаёт по комнате.

– Дед, а эти, что приехали, – спрашивает девушка – начальница почты, – в чёрных шляпах. Евреи...

– Хасиды.

– Ага! Пусть хасиды. Так в селе говорят, что...

– Ничего не слышал, ничего не знаю! «Гурнышт»!³⁵

³⁵ Никто, ничего, пустое место (*идши*).

– Киев, кабина номер один.
Дед с бабушкой торопливо заходят в единственную фанерную будку.
– Риточка! – кричит в трубку баба Парася. – Здравствуй, родная! Не. Ничего. Всё в порядке. Просто дед...
Дед Грицько выхватывает трубку и говорит отрывисто, деловито:
– Как ты там, внучка? Экзамены? Значит, так, сдавай их, как это говорят...

Киев. Приемная директора медицинского училища. День.

Дверь в коридор открыта. Перерыв. В коридоре много шумных студентов в белых халатах. Внучка Маргарита стоит у телефона. Пытается перекрыть шум:
– Досрочно?!

Почта. День.

– Ты ж отличница! – кричит дед Грицько. – Лучшая студентка в вашем медицинском училище!

Киев. Приемная директора медицинского училища. День.

– Но почему досрочно?! Зачем?! – удивляется Маргарита.

Почта. День.

– Я... – придумывает на ходу дед Грицько, – я могу заболеть! Могу! Короче, Рита, «опухай»³⁶ деда! Как только звоним, в тот же день пулей! Домой! Сразу! Всё! – Он кладет трубку. Вытирает пот со лба.

Площадь у сельской гостиницы. День.

Из здания почты выходят дед Грицько и Парася. Дед раздражённо объясняет бабушке:
– Я ж тебе на понятном языке. Миллиардер! Это раз. У него внук! Это два. Он приезжает. Молится. И сразу после этого ему на глаза должна попасться... Должна! Сразу же! Наша внучка Маргарита.
– А если она ему не понравится?
– Кто? Ритка?! Да как у тебя язык поворачивается?! И слушай сюда, Парася! Я ж тебя знаю... – оглядывается по сторонам. – Никому! Ни слова!

Дом милиционера. День.

Милиционер с биноклем. Он фиксирует, как...

³⁶ Слушай (украинский язык).

Площадь у сельской гостиницы. День. Эффект бинокля.

...Дед Грицько подозрительно оглядывается по сторонам и показывает своей бабке Парасе, чтобы молчала. А из окошка вслед деду и бабке с интересом смотрит начальница почты.

Дом милиционера. Интерьер. День.

– Ага! – Милиционер Нечипоренко медленно опускает бинокль.

Двор возле хаты деда Грицька. День.

Дед выскакивает из хаты, пересчитывает деньги, кладёт в карман.

– Я в район, – говорит он бабе Парасе. – При таких делах надо пиджак новый купить, – садится на подводу и уезжает.

Двор возле хаты деда Грицька. День.

Из-за забора выглядывает Маруся – жена механизатора Петра. Она стучит в калитку. Рядом возникают ещё три бабы.

Соседки входят во двор, молча, рассаживаются, смотрят на бабу Парасю, которая чересчур деловито возится возле печи, ставит миску с едой у собачьей будки, сыплет корм в загородку для гусей.

А из-за забора уже смотрят ещё десятка два женщин. Баба Парася молчит, как партизан. И все молчат.

Улица у двора деда Грицька. День.

Ко двору подъезжает на мотоцикле милиционер Нечипоренко. Тоже многозначительно смотрит на бабу Парасю...

Сельская гостиница. Двор. День.

Хасиды под яблоней вкусно кушают помидоры, хрустят мацой и запивают виски Jopnie Walker.

Танцплощадка у клуба. Вечер.

«Бумбокс» орёт очередную песню про любовь. Девушки танцуют парами. На лавочке в окружении подружек сидит невесёлая дочка Рая.

Дом милиционера. Вечер.

Милиционер наблюдает за дочкой в бинокль. Из-за его спины выглядывает его жена Галя:

– Как там наша доня?

– Скучает.

- А Микола?
- Та, как привязанный за Элеоноркой.

Танцплощадка у клуба. Вечер. Эффект бинокля.

Микола приглашает дочку механизатора Элеонору танцевать. Та фыркает, но снисходит. Танцуют.

– Эля... – робко начинает Микола.

– Да не мылься! – обрывает его Элеонора. – Сколько раз тебе говорить. Во-первых, ты на два года младше. И со мной одного роста. А во-вторых, мы с тобой с детства знакомы. Никакой тайны. Ну, Микола и Микола...

Дом милиционера. Вечер

Милиционер переключает бинокль на режим ночного видения. И наводит его на...

Площадка возле птицефермы. Вечер. Эффект прибора ночного видения.

При свете фонаря в земле возятся хасиды, осторожно оглядываются по сторонам.

Дом милиционера. Вечер.

– Ага... – бормочет милиционер.

– А бабы говорят... – начинает жена Галя.

– Дурость!

– А вдруг...

– Вдруг только снаряд прилетает. Или понос случается, – не отрываясь от бинокля, говорит милиционер.

– Всё ж, Саня, дочка-то в невестах уже третий год ходит. А тут чудо.

– Какое?! – Милиционер показывает жене бинокль. – Вот чудо! Прибор! Ночь! А он показывает. Раскатали губу! «Жених, красавец... Внук миллиардера». Это же лапшу деду ушлые евреи на уши повесили. Отвлекающий манёвр, Галя. Вот смотри.

Жена шерифа смотрит в бинокль.

Площадка возле птицефермы. Вечер. Эффект прибора ночного видения.

Роются в земле хасиды. Голос шерифа:

– Приличные люди уже спят. А эти... В шляпах. Ты лучше мозги напряги, Галя. Тот миллиардер, который их сюда прислал, по какой специальности будет? Вот когда я этих, бля, археологов прихвачу с поличным. С бриллиантами! С до революции прикопанными! И это будет чудо!

Нью-Йорк. Выход из гостиницы. Вечер.

Опять Исаак провожает очередную претендентку на тихое семейное счастье. Милая девушка Бекки Розенберг огорчена. Садится в лимузин и уезжает. Исаак вежливо машет ей рукой вслед.

На противоположной стороне улицы из другого лимузина за ними наблюдает дед. Миллиардер Финкельштейн. Внук смотрит на деда. Дед укоризненно на внука. Исаак честно пожимает плечами и уходит вниз по улице Манхеттена.

Дед раздражён. Окошко его лимузина закрывается.

Нью-Йорк. В лимузине. Вечер.

В машине рядом с миллионером Финкельштейном ещё один важный хасид. Это как раз дед девушки Бекки. Сам Соломон Розенберг!

– То есть моя внучка Реббека не подходит! – ворчит Розенберг.

– Шлёма, как родному... – извиняется Финкельштейн. – Ты же понимаешь, что у меня ты номер один. И твоя внучка Бекки... Но упрям Исаак! Весь в меня! Он вообще жениться не хочет! Пять лет я твержу ему одно и то же. А он мне: «Ещё не время, дед».

– Может, проблемы с...

– Не надо! Там нормальный... Очень нормальный инструмент! Всё в мозгах. Такие светлые! Но не созрел. Я ему...

Сидящий впереди рядом с водителем лимузина секретарь Саймон Стерн звонит по мобильному телефону.

– Вот смотри... Как ты думаешь, Шлёма, куда он звонит? – спрашивает Финкельштейн Розенберга. – В Украину!

– Ну?

– Шлёма, ты помнишь про Шполер Зейде? «Йехи зихро барух»!³⁷ Так вот. Я тут от бес-
силы... Решил...

– Алло! – говорит в трубку Саймон Стерн.

А в глубине движущегося лимузина миллиардер Финкельштейн рассказывает другу детства миллиардеру Розенбергу обстоятельства экспедиции в Украину на могилу цадика.

Площадка возле птицефермы. Вечер.

Хасиды, напрягаясь из всех сил, налегают на лом. Звонок мобильного телефона. Оба на минуту испуганно замирают.

– Ша! – Гороховский достаёт свой телефон и на идиш: – Алло! Как я могу спать, когда есть такое дело! Что?! Внучка самого Розенберга тоже не подошла! Ц-ц-ц! Там же такая...

А шэйне мейделе!³⁸ Кровь с молоком! Вы даже не представляете, Саймон, как мы уже близко к цели. Прямо возле... Привет «балабосу»!

Дом милиционера. Вечер.

– Ну, наглые! – комментирует события, не отрываясь от бинокля, милиционер. – Их из Америки по телефону корректируют. Но ничего. Пусть копают. Своими ручками выполняют черновую работу, а там я их... И ага!

³⁷ Да будет благословенна его память! (*иврит*).

³⁸ Красивая девушка (*идиш*).

Нью-Йорк. В лимузине. Вечер.

– Гороховский говорит, что они близки к цели, – докладывает Саймон Стерн Финкельштейну.

В машине тишина. Розенбергу требуется время, что переварить услышанное им об этой аванюре с поездкой в Украину. Наконец он осторожно произносит:

– Бэрэлэ, ты же такой реалист... Поискать, так таких нет! «Он молится. У него открываются глаза. Он захочет любви...». Что за херня! «Мишигенер»!³⁹ Нет! Я тоже правоверный хасид и верую во всё, что... Ты давно был у психиатра? Нет, это на голову не наденешь! «Молится... Глаза...» А-ах! Идиот!

Молча, едут два старых, важных хасида. Прошедшие через многое и построившие свои империи. Финкельштейн на продаже бриллиантов, Розенберг на продаже недвижимости. Два матёрых волка, которые думают, что они понимают на этом свете про всё...

Усадьба мистера Розенберга на Лонг-Айленде. У входа. Вечер.

Дверца лимузина открывается. Хмурый Шлема Розенберг выходит:

– Спасибо, что подвёз. «Зайт гизунт»! – проходит несколько шагов. Возвращается. – Послушай, Бэрэлэ, это, конечно, полная херня. Но это же наши дети! Дай мне слово. Если твой Исаак... «Безрат Хашем»!⁴⁰ Полетит в Украину, чтобы... «Молится... Открываются глаза...» Дай знать. Моя Реббека окажется там, чтобы ему было на кого открывать глаза. Ты не возражаешь?

Финкельштейн кивает.

Площадка возле птицефермы. Вечер.

Хасиды наваливаются на лом. Скрежет. Бетонная плита сдвигается. Пыхтя и Хасиды наваливаются на лом. Скрежет. Бетонная плита сдвигается. Пыхтя и сопя, хасиды приподнимают надгробный камень, стараясь установить его вертикально. Удаётся! В этот момент вздох проносится над землей. Вздох, похожий на тонкий звук дрожащей струны.

Такая реализация метафоры – «снять камень с души».

Площадка возле птицефермы. Вечер.

Хасиды присаживаются. Переводят дух. Поднимают головы вверх. Над ними густая украинская ночь.

– Благословен Ты, Господь, создающий миробытие. Это ещё до Первой Мировой войны. – Гороховский вытирает пот. – Мои дедушка с бабушкой, долгая им память... Жена-тые! Уже имели дочку. А потом они попали сюда. И так влюбились друг в друга! Слава Богу! У меня потом было двенадцать дядь и две тётки!

Гутман вздыхает тоже. Достает из кармана фото своей многолетней семьи. Светит фонариком. Смотрит. И Гороховский достаёт фото своей семьи. Тоже смотрит. Переводит взгляд на лежащее внизу под холмом село:

³⁹ Сумасшедший! (*идиши*).

⁴⁰ Да будет угодно Всевышнему! (*иврит*).

– Странно! Смотри! Свет в селе выключают. Рано вроде. Может, им электричество отключили? Да нет, фонарь возле магазина горит...

Действительно, в селе гаснут одно за другим окна. Собаки перестают лаять. Тишина. И в ней возникает мелодия. Это мелодия Благодати!

Воздушная, божественная. Солирует скрипка. И как!

Часть вторая

Благодать

Танцплощадка у клуба. Вечер.

«Бумбокс», из которого неслась попса, как бы поперхнулся. Смолк. Все расходятся. Грустный Микола провожает Элеонору. Уныло плетётся сзади. И вдруг она оглядывается. И смотрит на него... Так, как будто впервые видит его.

Дом милиционера. Вечер.

Милиционер Нечипоренко ошалело оглядывается на жену. Встаёт. Откладывает бинокль. Вглядывается в жену. Как в первый раз увидел. Снимает португую. Да и жена его вдруг затрепетала. Не спуская глаз с мужа, становится на колени и стягивает с него сапоги. Вот и свет гаснет в доме милиционера.

Двор у хаты Остапа. Вечер.

На огороде Мотря опускает грабли и смотрит на своего мужа Остапа. Тот встаёт от грядки и идёт к ней, как во сне. Обнимает её.

Берег реки. Вечер.

Луна. Звёздное небо. На лавочке Элеонора взахлёб целуется с Миколой.

Двор механизатора Онищенко. Вечер.

Во дворе за столом под деревом ужинают механизатор и его жена Маруся. Оба вдруг поднимают друг на друга глаза. Смотрят, не отрываясь, как будто видят впервые.

Хата комбайнера. Вечер.

Полуголый Серёга идёт к дверям. Попутно он укрывает спящих своих детишек. Распахивает дверь во двор.

Звёздное небо Он стоит на пороге. Сзади подходит разомлевшая от ласк жена. Обнимает. Они смотрят в небо.

Хата деда Грицька. Вечер.

Деду что-то снится. Он крутится. Пытается что-то произнести. Перепуганная баба Парася будит его. Дед приходит в себя. Встаёт. Набирает кружкой воду из ведра. Пьёт. Выходит во двор. Садится на лавку у двери. Светят звёзды. Баба Парася садится рядом:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.